

Разговор свечей

— Я осветила ночь Клеопатры, — сказала одна из свеч.
— Я осветила пушкинский лист, — молвила ей другая.
— Я указала страннику путь, — третья шепнула.
Только четвертая промолчала,
гореть продолжая кому-то.

Памяти Бабеля

Революция — скажем ей "да"...
И. Бабель, "Конармия"

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет...
Б. Окуджава, "Сентиментальный марш"

За речкою поле, за полем лесок
И облако всадником наискосок
Галопом летит, да не может догнать
Буденовских орд раскаленную рать,
Что лавой ушла в Посполитую Речь,
Под "Яблочко" панские головы сечь.
За Белую Церковь, за Броды — туда,
Где мальчик шептал революции: "да!",
Одесский очкарик, кудесник пера,
В атаках с братвою хрипевший: "ура!".
Ах, эти дороги, станиц огоньки,
Чужие пороги, родные клинки,
Горячая доля да воля, да свет...
Но все-таки лучше земля, где нас нет.
Взметнувшие алые флаги зари,
Не в гривы высокой травы полегли:
Чекистскую пулей за доблесть и стих

Отметила родина стольких из них!
Ах, родина, родина — храм на крови...
Не надо, трубач, не зови, не дури...

* * *

Пока египетскую клинопись
Ученый в линзу разбирает,
К себе нас день вчерашний кличет
И лед форелью разбивает.

Как вызов, брошенный природе,
Сквозь века гул и птичий гам,
Строкой и волей высшей пробы
Там нас встречает Мандельштам.

Там Пастернак гудит, как фуга,
И в ночь уносят провода
Обрывки рокового круга:
Метель. Цветаева. Беда.

Давно эпохой волчьей смяты
Пророки, гении, творцы,
Но с ними — гуще запах мяты,
Сильней, пронзительней скворцы!..

Верней, надежней обещаья,
Неразведенные мосты,
Щедрее царских завещаний
Бумаги чистые листы.

* * *

Пенелопа, обманывая женихов, по ночам распускает пряжу
И поглядывает в окно, надеясь увидеть Улисса.
Скоро снег на зачерствелую землю ляжет,
Охотники Брейгеля отправятся за кабанами и лисами.

На Невском шарманка играет. В Сорочинцах ярмарка.
У господ Головлевых ходики тикают монотонно.
В чем-то саду срывается последнее яблоко,
Не дождавшись Ньютона.

Безликие фигуры поднимаются на балкон мавзолея.
Луна над Гранадой плачет по убиенному Лорке.
Ни рублей, ни друзей не имея,
Акакий Акакиевич тащится в свою каморку.

Эпохи перетасованные. Пространства без ориентиров.
Не отличить, где — святой, где — леший,
Спросить какую из звезд над зябнущим миром:
Камо грядеши?

Сестре Татьяне

Земля готовится к зиме
Под небом бедным, нищим,
А мы в остывшей золе
Огонь вчерашний ищем.

Но прошлое не воскресить,
И время-всадник скачет
Туда, где Ариадны нить
Дорог не обозначит.

Воспоминание о послевоенном кино в московском доме на Тишинке

Послевоенный год,
Какой — не помню.
В подвале дома крутят киноленту.
Трещит проекционный аппарат,
Дрожат на простыне-экране кадры
С окопами, где у солдат угрюмы, серы лица,

Как у святых в разграбленных соборах.
И молятся на них в платках старушки,
Когда, как ангелы, они уходят в сумрак
Собой Россию от огня прикрыть.
В дыму плывут их крылья — плащ-палатки.
Горят деревни, города.
И Будапешт, и Прага их встречают
Цветами и любовью...

Развалины Берлина. Рейхстаг. Дошли.
Закурим. Не забудем.
Смеются и стирают слезы с лиц.

...в подвале дома крутят киноленту,
И яблоку здесь некуда упасть...

Послевоенный год в воспоминаньях.
Зачем и почему — теперь?.. Теперь!
Когда всё стерто,
Загажено, раздавлено, не нужно.
И нет старушек тех,
И тех солдат — с экрана,
И мальчики, смотревшие на них,
Давно другими стали,
Давно в краях иных.

Марки

Пятидесятые. Кузнецкий мост. Торговый час.
Толкучка возле магазина марок.
В кармане несколько рублей —
От школьных завтраков несъеденных.

Парадные. Площадки. Сквозняки.
И — счастье, погрузившись в мир желанный,
Идти домой, неся в кармане
Несметные богатства:

Цветов Цейлона запахи и мачты кораблей
У скал Святой Елены, туман Фольклендов,
Адена жару, рычание львов Уганды
И свист стрелы индейца из Гвианы...

Сегодня, трогая глазами этот мир,
Испытываю странное волнение —
Не от экзотики, хотя жива она, а видя
Себя в Москве тех невозвратных лет...

* * *

Опять Париж пленяет Мусоргский
И обольщает Чайковский,
А я давно не слышал музыку
Лопат, скребущих снег московский.

Сочельник. Время хмари серой,
Где больше Генделя и Баха,
Лишь фонари у сонной Сены
Подобны шапкам Мономаха.

* * *

"Самаритен". Японская неделя.
С лицом как мел, в метро, с афиши
Красавица в нарядном кимоно
С поклоном легким чашку чая
Предлагает.
Ветвь вишни. Фудзияма.
Разит мечом кого-то самурай.
Сосед напротив в книгу погружен:
Мисима.
Какой сегодня, право, странный день!
На набережной, у Шатле,
В цветочном магазине,
Замысловатые иероглифы бансаев,

---

¹Известный парижский универмаг.

Как хайку,
И тяжелы над Сеной облака —
Атлеты сумо.

Набросок

Сам рисует карандаш
Милой родины пейзаж:
На окне бутылка,
За окном — Бутырка.

* * *

Памяти чердак —
Старый хлам.
Что же ты, чудак,
Ищешь там?

Музыку ли, свет,
Облаков бег,
Прежних лет
Побурелый снег?

Неба синь,
Подворотен тень,
Кепку, что носил
Набекрень?

Отлетевший шум,
Смех, грусть
Мест, где ум —
Лишний груз,

Мало лиц,
Больше рож,
Жизнь — блиц,
Блажь, грош?
Первую любовь —

Сердца взмах,
Мелочи любой
Тайный знак?

Радости ли миг
Ливень косой,
В храме лик
С тихой слезой?

Тот, без следа,
Черный круг —
День, когда
Предал друг?

Тоски настой,
Где в ночи
Застыла звездой
Точка над "і"?

* * *

Человек, побывавший в Самарканде,
Говорил мне мудрые вещи:
Приближающийся Апокалипсис
Обозначится
В бегстве строк
Из священных арабских текстов.
Русский я человек,
Книг таких не имею,
Знака тайного
Не увидеть мне,
И не знаю даже, куда ползет
"Я" в блокноте моем,
Как коровка божья
По листу капустному.

Памяти Михаила Рогинского

Чайник. Примус. Трамвайный вагон.
Старый шкаф. Запылившейся лампы свечение.
Холст. Бумага, а чаще картон (от коробок обычных картон).
Монстр и вещь. Монстр — вещь. Золотое сечение. Отрешение.

Не писал — разрушал, нарушая, круша, потроша,
Ворошил, ворожил, забываясь, любя, усмехаясь печально и едко.
Ах, о чем ворковала с костлявой старухой душа,
Что щеглом вылетала из плохо затворенной клетки!

Мысль, как пьяный, качаясь, куда-то скользит
В немоту, в темноту, где бутылок и звезд чуть мерцают осколки.
Сколько лет, дорогой, за спиной, сколько зим,
Болей сколько...

Всё в порядке теперь. Ни тоски, ни свистков, ни погонь.
По музеям, собраниям частным, земляк мой, дружнице,
Растворяешься ты. Спи ж спокойно, пройдя сквозь парижский огонь,
На отечественном кладбище.

Париж

